ЧТО ЛЕГКО НАЖИВАЕТСЯ, ТО ЕЩЕ ЛЕГЧЕ ПРОЖИВАЕТСЯ.

Въ небольшомъ городѣ, на Окѣ, жилъ бѣдный мѣщанинъ, занимавшійся уже лѣтъ десятокъ перевозомъ черезъ рѣку. Сколько ни перемѣнилось во все время это откупщиковъ или хозяевъ парома, а Тимофеичъ все переходилъ изъ рукъ въ руки, отъ одного хозяина къ другому и всегда былъ старшимъ паромщикомъ. Эта работа кормила его, онъ къ ней привыкъ, а какъ онъ былъ человѣкъ богобоязливый и никогда не обманывалъ хозяина въ сборѣ, то ему и вѣрили и хорошо его держали. Дядю Тимофеича знали всѣ, отъ мала до велика, а у многихъ былъ онъ въ домѣ и кумомъ. Наживнаго добра было за нимъ не много; въ десять лѣтъ сколотилъ онъ себѣ одинъ праздничный кафтанъ, да дубленый тулупъ, а плисовую шапку другой годъ все только еще купить сбирался, и когда приходилъ къ берегу въ городъ, на рынокъ,

чтобы запастись дня на три, на четыре хлѣбомъ, то, бывало, зайдетъ въ ряды, поглядитъ шапки и прицѣнится къ нимъ. Въ работѣ же ходилъ онъ въ старой, изношенной сермягѣ.

Хоть привыкъ Тимофеичъ къ долѣ своей, однако, не безъ того, бывало, что покрякивалъ, да глядя на другихъ и завидовалъ имъ подъ часъ. «Вотъ де, за что Богъ далъ такому–то и такому–то, а мнѣ не даетъ! такая видно доля моя безталанная.» И частенько таки сталъ онъ жаловаться людямъ на бѣдность свою и просить у Бога богатства. «То–то,» думалъ онъ, «зажилъ бы я! И нищую братію не покинулъ бы, а призрѣлъ бы всякаго убогаго!»

Ни съ того, ни съ сего, вдругъ требуетъ къ себѣ Тимофеича городничій; а городовой, который пришелъ за нимъ, кланяется ему и поздравляетъ его и несетъ такую чуху, словно рехнулся. «Пришло,» говоритъ, «извѣстіе, что ты разбогатѣлъ, дядя Тимофеичъ; дядя, что ли, какой–то у тебя въ Ростовѣ померъ, и былъ приписанъ

въ купцы, и деньги нажилъ видно большія, да дѣтей, стало быть, у него нѣтъ, а все вишь достается тебѣ!»

Подумалъ Тимофеичъ, почесавъ затылокъ, что за притча? Поглядѣлъ на городоваго, — видитъ — тотъ безъ шапки передъ нимъ стоитъ и все кланяется и поздравляетъ; стало быть ужъ не обманываетъ, не сталъ бы безпокоиться эдакъ изъ пустяковъ. Пошелъ Тимофеичъ и дорогой все припоминаетъ, да и вспомнилъ: былъ у него точно дядя; и торговалъ гдѣ–то, но ужъ годовъ больше десятка никакихъ объ немъ слуховъ не было.

И сталъ Тимофеичъ богачемъ. Наканунѣ только прицѣнился къ плисовой шапкѣ, да подумалъ: дорого три рубля, гдѣ ихъ возьмешь? А теперь вдругъ говорятъ ему: поѣзжай въ Ростовъ, оттуда начальство пишетъ, требуетъ тебя; померъ дядя и завѣщалъ тебѣ домъ и двѣ лавки и тысячъ сто денегъ. Сто тысячъ — тутъ не скоро придумаешь, какъ насчитать столько, а ему говорятъ: все твое, да еще и домъ и двѣ лавки.

На силу собрался Тимофеичъ въ путь: люди не вѣрятъ, никто взаймы не даетъ, а своихъ и пяти рублей нѣтъ, не на что ѣхать. Однако хозяинъ пособилъ, Тимофеичъ пріѣхалъ, и глазамъ не вѣритъ; не видалъ и во снѣ такого богатства и какъ съ чѣмъ управиться, не знаетъ; столько–то денегъ, говорятъ ему, по заемному письму на такомъ–то купцѣ, а столько–то на другомъ; такой–то товаръ отправленъ съ прикащикомъ туда–то, а съ такого–то слѣдуетъ получить столько–то... Тимофеичъ грамоты не знаетъ, сбился съ толку совсѣмъ, не знаетъ, что и дѣлать. А тутъ еще совѣтниковъ да пріятелей новыхъ нашлось много, обманываютъ его кругомъ, свели съ ума совсѣмъ. Кто зоветъ, да потчуетъ, да угощаетъ; кто самъ въ гости напрашивается, на новоселье; кто какіе–то старые дядины счеты сводитъ, въ которыхъ Тимофеичъ никакого толку не смыслитъ и только сидитъ слушаетъ, да глазами хлопаетъ; а кто на новые обороты, на торговлю подбиваетъ, да обѣщаетъ большіе барыши; словомъ, не знаетъ бѣдный

Тимофеичъ, своя ли голова у него на плечахъ; бѣда да и только, отроду не видалъ такой бѣды!

Какъ ни бился Тимофеичъ, а видитъ, что самому ему не управиться, съ богатствомъ своимъ не совладать. Ужъ его и въ судъ таскали, заставляя платить по какимъ–то заемнымъ письмамъ дядинымъ, которыхъ онъ и прочитать не умѣетъ; тутъ не доплачиваютъ ему самому, а онъ не дастъ толку, что ему слѣдуетъ, да того гляди срокъ пропуститъ и поминай какъ звали денежки; тамъ требуютъ по какой–то торговой сдѣлкѣ дядиной пять тысячъ, а расчетъ, говорятъ, будетъ черезъ годъ со днемъ: на все, говорятъ, торговые сроки положены; а тамъ, гляди, прикащикъ пропалъ, сбѣжалъ, спустивши товаръ на всѣ четыре стороны, да и деньги съ собою снесъ; — словомъ, пошла бѣда, растворяй ворота.

Какъ запьетъ мой Тимофеичъ, съ горя, да мертвую чашу, ударивъ свою плисовую шапку объ земь, такъ у него все кругомъ пошло, ровно по ниточкѣ, и горе отлегло

отъ сердца и тужить позабылъ. Однако, это плохое средство сбывать заботу, потому что сбудешь ее не надолго, а развѣ только накопишь да еще и въ ростъ пустишь, и съ легкой руки разживешься, разбогатѣешь горемъ, тугой и нужей пуще прежняго.

Сталась такая притча и надъ Тимофеичемъ. И не винокуръ, говорили внасмѣхъ Ростовцы, а прокурилъ всѣ! сколько растащили, сколько безъ счету пропало, сколько отъ недогляду, а сколько и самъ пропустилъ въ ненасытную утробу свою, да распотчивалъ, угощая весь міръ — не знаемъ мы этого, да, чай, и никто не знаетъ, потому что никто, ниже самъ Тимофеичъ, счетовъ этихъ не сводилъ. Знаемъ только, что когда бѣднякъ воротился разъ мертвецки пьяный въ хоромы свои, уснулъ гдѣ–то на полу, покинувъ свѣчу, и зажегъ свой домъ, и когда домъ этотъ сгорѣлъ благополучно, то вытащили изъ него одного только хозяина, и то въ оборванномъ кафтанѣ, а болѣе у него за душой не осталось ничего. Все прожилъ, а остатки сжегъ, до копѣйки.

Горько было похмѣлье бѣдному Тимофеичу, это правда; но какъ ни горько, а все таки онъ вздохнулъ вольнѣе, чѣмъ вздыхалъ съ самаго пріѣзда въ Ростовъ; горько, а на душѣ легко! «Не станутъ теребить теперь,» подумалъ Тимофеичъ, «не станутъ обкрадывать кругомъ, не стану и я уплачивать Богъ вѣсть чьи заемные письма, — да и не стану пить больше; кончено все, ровно сонъ тяжелый съ плечь свалился. Эти деньги пришли какія–то шальныя,» подумалъ онъ, «не нами нажито, такъ не намъ и досталось.» Плюнулъ Тимофеичъ, да и пошелъ.

А пошедши, нанялся онъ въ работники къ блинщику, жилъ у него хорошо и честно годовъ пять; заработалъ небольшія деньги — да трудовыя, а потому и сберегъ ихъ; воротился подъ старость на родину и самъ сталъ промышлять тамъ тѣмъ же ремесломъ. Какъ утро, бывало, такъ Тимофеичъ идетъ по гостинному ряду въ пестромъ ситцевомъ фартукѣ, съ лоткомъ на головѣ, и припѣваетъ: «у насъ блины, у

насъ горячи — и денежки были, да въ Ростовѣ сплыли; — блины горячи!»

Всѣ знали Тимофеича, всѣ любили его, какъ стараго друга, разбирая у него блины, и слушали поговорки; — тамъ онъ живетъ и понынѣ и богатства у Бога не проситъ.